Сов. культура — 10/VIII — 91

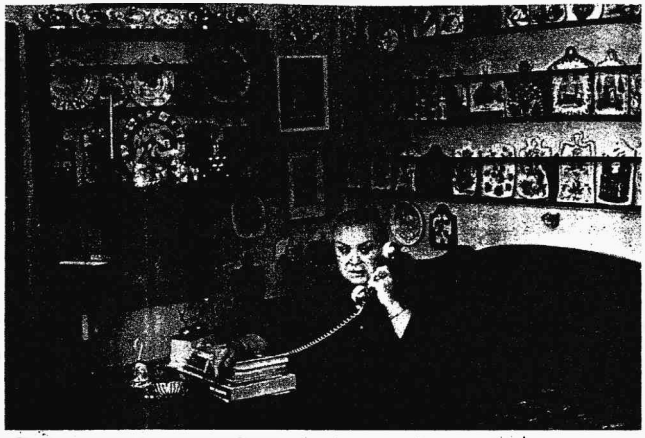
Москва Экар-сиданка мр О. Табакова

19

Со времени нашей прошлой встречи на страницах «СК» минуло более полугода. На Рождество Марии Владимировны Миронова отметила свой большой юбилей. С театром Олега Табакова она провела полтора месяца в гастрольной поездке по США. Дома, в Москве и Ленинграде, ждали друзья и почитатели Андрея Миронова, прекрасная книга, выпущенная издательством «Искусство» к его пятидесятилетию. Совсем недавно Мария Владимировна принимала поздравления с присвоением ей звания народной артистки СССР. И уже возобновились репетиции в театре, начаты съемки нового фильма.

Медлительная почта продолжает приносить отклики на предыдущее интервью.

Постараемся же сохранить эту живую связь.



Мария Миронова:

«МНЕ ДОРОГА ДАЖЕ КАПЛЯ ВНИМАНИЯ»

— Мария Владимировна, каково ваше главное впечатление от поездки в США!

— Потрясающее чувство стабильности. По-моему, ничего подобного не ощущаешь даже в Европе. Америка прочно стоит на ногах, ее не поколебать. Мы проехали всю страну поперек — от штата Аризона до Нью-Йорка. И теперь я могу говорить, что возвратилась с другой планеты. Вообще же наш народ по-своему счастлив: он смотрит по телевидению передачи об НЛО и не подозревает о существовании иных цивилизаций на Земле. Может быть, те, кто там побывал, зря нарушают эту идиллию своими рассказами. Но я не издеваюсь, не дразню, я просто мечтаю, чтобы возможно больше людей могли поездить, посмотреть мир «живьем», и тогда вопросы типа: какое общество «строить»? вводить или не вводить частную собственность? — станут бессмысленны. У «их» системы нет названия, во всяком случае, мне оно неизвестно. Я знаю только, что при ней хочется жить и хочется работать.

Мы однажды подумали, что можно не работать, и сразу же прекратили. Даже самых талантливых, самых совестливых порой одолевает сомнение: а не напрасен ли их труд?.. В Америке царит культ Дела. Не зная языка, я привыкла лишь к тем словам, которые чаще слышала на улицах. Одно из них — «бизнес». Нет постыдных занятий, унизительно гнуться работой. Для меня захватывающим зрелищем оказалась обычная стройка. Этаж в день — шестидесятиэтажный небоскреб за два месяца. Дом растет на глазах, как при ускоренной съемке. Все подогнано, все рассчитано, все по очереди сделано. Наверху без конца грохочет наземное метро, внизу торгуют матрешками. В Гарлеме тоже грязно, но уже при отсутствии напускного шика. Негры неспешно фланируют по улицам, а то и просто стоят в ожидании, с кем бы побалтать. Я заметила, что мы и негры особенно словоохотливы.

— Наши бывшие соотечественники появлялись за кулисами?

— Я очень мало общалась с эмигрантами, было всего несколько встреч. Те, кто уехал в Штаты делать дело, сегодня обеспечены и не испытывают никакой дискриминации. Ко мне заходил когда-то известный в Москве зубной врач, теперь владелец клиники, вторая — у его сына. Эстрадный артист, кажется, имеющий собственную антрепризу. Я была в гостях у вдовы и дочери писателя Полякова в Манхэттене. Дочь служит в банке, мать — пенсионерка. Я такой пенсии, вероятно, не заслужила. Все они переживают за будущее России, стараются быть в курсе текущих дел. Я не услышала в адрес страны ни единого враждебного слова. Мне выпали два прямых эфира — надолго до отъезда, в Москве, и на русской радиостанции в Нью-Джерси. К счастью, и там, и там я получила лишь огромный заряд добра. Признаюсь, в Америке я пошла на это с опаской. Боялась, придется отвечать на «провокационные» вопросы. А ко мне из разных городов обращались с просьбой поклониться могиле Андрея, говорили, что помнят и любят его. Какая-то женщина из Чикаго громко кричала в трубку: «Я выросла на вас!.. Я выросла на вас!..». Будто я мать сыра-земля, что «на мне» вырос человек.

— Во время ваших гастролей Америка фактически вела войну...

— Мы этого не замечали. На мой век выпало порядочно войн, начиная прямо с 1914 года. А коллективизация, тридцать седьмой год, ждановщина? Все это я считаю за страшные опустошительные войны. Но Персидский залив никак не сказался на нас и даже на наших зрителях. Правда, чувствовалось уважение американцев к своей армии. Погибших привозили хоронить домой, знали поименно. Значит, надеюсь, их было немного. Резко подскочила популярность Джорджа Буша. По-моему, второй срок президентства ему обеспечен.

— Сыграла ли свою роль в этом Табакова «мода» на все русское?

— Поначалу, наверное. Но американцы очень осмотрительны, для них важна не мода, а качество. Конечно, все, возвращаясь с гастролей, живописуют произведенный за границей фурор, но, честное слово, мы действительно имели большой успех. И «Матросская тишина», и «Учитель русского» шли при полных залах. А выступать приходилось не только в театрах, но и в колледжах,— мы объехали несколько университетских городков. С нами были три переводчика, но зачастую зрители, особенно американские актеры и актрисы, предпочитали снять наушники. Видимо, понимали все, просто наблюдая за сценой. Олег Павлович, тоже с успехом, читал лекции о театре. Оказывается, он уже давно популярен в Америке. Один восемнадцатилетний паренек, прекрасно говорящий по-русски и мечтающий стать актером, приедет осенью в Москву, чтобы учиться у Табакова. К нам проявляли интерес радиостанции «Свобода», «Голос Америки». Устраивались приемы, но я решила, что без языка мне там делать нечего. Ну и получили приглашение повторить гастроли. Может быть, теперь поедет другая часть труппы, ведь не все попали в эту поездку.

Я очень благодарна театру за то, что все-таки увидела «каменные джунгли». Каменные — да, но не джунгли, разумеется. Красивейшая архитектура! Рокфеллер-центр, например, произвел на меня грандиозное впечатление. Впрочем, и зелени хватает. В Нью-Йорке я жила в доме женщины, режиссера. У нее трехэтажный особняк в Манхэттене, рядом с очень скромным домом мэра города. Первый этаж она отдала мне. Окно спальни выходило в сад, и перед глазами все осенние прыгали белки, только на такие, как у нас, а полосатые, скорее, напоминают енотов. По ветвям деревьев пропущены гирлянды крохотных лампочек, так что вечерами улицы еще красивее. Правда, нам настойчиво советовали не покидать гостиницу с наступлением темноты. Хотя ребята советами пренебрегали, и все обошлось благополучно, но опасность существует. Это единственное, в чем мы совпадаем с американцами.

— У вас была возможность сравнить профессиональный уровень двух театральных школ!

— Конечно, по практике, по нашим дням. В этой работе я впервые столкнулась с Табаковым как с режиссером, мне с ним интересно. Боюсь только, что не сумею репетировать летом. Мы с Александром Семеновичем всегда закрывали сезон в начале мая. На очереди пьеса Дэвида Мэммита «Жизнь в театре», обе сразу мне не под силу. Алла Сурикова и Евгений Каменкович снимают фильм по нашему спектаклю «Учитель русского».

Конечно, устаю, но никогда не думаю о том, чтобы покинуть театр. Что у меня тогда останется? Уйду, если меня «уйдут». Уйду, когда перестану приносить пользу. Театр держит меня на плаву, собираясь с ним, я подтягиваюсь — и морально, и физически.

— Кроме театра, кроме друзей, у вас есть и еще одна поддержка — письма...

— Простите все, кому я не смогла ответить. Для обработки такого количества почты потребовался бы секретарь. Но я прочитываю каждое письмо. Мне дорога даже капля внимания. И я признательна незнакомым людям за их память об Андрее. Спасибо, что они не дают ему умереть. Пока жива память, жив человек.

Беседу вела
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.

Фото А. Сизухина.